

Т. И. Морозова

Формирование Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б)
(май 1924 – август 1930 г.)

Сибирский краевой комитет РКП(б) (с декабря 1925 г. – ВКП(б)) с мая 1924 по август 1930 г. являлся высшим партийным органом Сибири. Именно на его заседаниях на протяжении шести лет обсуждались ключевые политические, хозяйственно-экономические, идеологические и административные проблемы региона, принимались важные для края решения.

Однако, несмотря на это, Сибкрайком, по-прежнему, практически не изучен. До конца 1970-х гг. в литературе трудно найти даже упоминание о Сибирском комитете, основное внимание по понятным причинам уделялось общесоюзной тематике. Первой попыткой исследования деятельности крайкома стала монография И.А. Молеготова¹, впервые обратившего внимание на необходимость обобщающего исследования по данной теме. Тем не менее, очевидно, что данная работа посвящена, главным образом, партийной организации Сибири в целом. Основное внимание в книге уделяется не самому краевому комитету, а окружным и районным партийным организациям. В 1980-е годы выходит ряд статей, посвященных также парторганизации Сибири, но в большинстве из них комитет лишь упоминается как руководитель той или иной кампании². В постсоветской историографии некоторые вопросы, касающиеся Сибирского краевого комитета, по-прежнему, освещаются, преимущественно, в рамках разработки других тем, таких как внутривнутрипартийная борьба³ или номенклатура Сибири⁴. Таким образом, история создания и дальнейшего существования Сибкрайкома до сих пор в достаточной мере не освещена в научной литературе. В том числе не решен и один из принципиальных вопросов, позволяющих понять роль, место и, в определенной степени, даже значение Сибирского краевого комитета партии в истории Сибири, – вопрос о том, каким образом формировалась эта структура.

Долгое время считалось, что создание Сибкрайкома РКП(б) было переходом к более демократической форме руководства Сибирской партийной организацией. С одной стороны, это действительно так, ведь в отличие от Сиббюро ЦК РКП(б), члены которого назначались сверху, первый состав Сибкрайкома был избран на заключительном

Морозова Татьяна Игоревна, студент Новосибирского государственного университета.
Эл. почта: morozova_tatiana@bk.ru

¹ Молеготов И.А. Сибкрайком: партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978.

² См., напр.: Кузнецова Т.А. Состояние информационной работы в партийных организациях Западной Сибири в 1926–1930 гг. // Партийное руководство государственными и общественными организациями Сибири. Томск, 1980; Чакшова Л.А. Роль партийных комитетов Сибири в организационном укреплении комсомола на селе (1926–1929 гг.) // Партийное строительство в Сибири. Новосибирск, 1984. С. 80–89.

³ Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994.

⁴ Гаско М.Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) во второй половине 1920-х годов: численность и состав // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 120–131.; Он же. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б): менталитет «ответственного работника» (вторая половина 1920-х годов) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы V Всероссийской научной конференции. Ч. I. Новосибирск, 2003. С. 131–134.

заседании первой Сибирской краевой партийной конференции, проходившей в Новониколаевске с 8 по 11 мая 1924 г. Кроме того, с избранием Сибкрайкома произошло численное расширение состава высшего партийного органа Сибири от 8 (в последнем составе Сиббюро ЦК) до 37 чел. (в первом составе Сибкрайкома). Эти факты могут служить подтверждением позиции И.А. Молетотова, утверждавшего, что «избрание краевого комитета уже само по себе означало расширение внутрипартийной демократии»¹. По всей видимости, постановка осенью 1923 г. Сиббюро перед ЦК РКП(б) вопроса о создании в Сибири выборного органа, действительно, была следствием принятия на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) курса на развертывание внутрипартийной демократии.

С другой стороны, фактический материал, содержащийся в фондах Государственного Архива Новосибирской области, позволяет утверждать, что эта демократизация была формальной, и, несмотря на выборность, состав Сибкрайкома сильно зависел как от центра, так и от самой «номенклатурной верхушки» Сибири.

Первые признаки ограничения демократической тенденции проявились еще до того, как был сформирован первый состав комитета. Президиум первой краевой партконференции отверг поступившее предложение рассматривать все кандидатуры персонально, «заслушав краткую характеристику каждого»², и на протяжении всей деятельности комитета выборы осуществлялись по списку. На первой конференции такой список был предложен совещанием делегации и принят при одном воздержавшемся. Можно предположить, что именно этот человек и предлагал персональное рассмотрение кандидатур. Очевидно, что установившаяся система выборов по спискам существенно облегчала проведение в состав Сибкрайкома лиц, рекомендованных Центральным Комитетом. Достаточно точно, сложившуюся систему охарактеризовал В.В. Демидов, пришедший к выводу о том, что организационно-распределительный отдел ЦК превратился «в кузницу номенклатуры, вытягивая нужных людей с периферии и направляя в регионы тех, кто прошел сталинскую школу»³.

Система рекомендаций сверху на самые разные должности и присылки работников из центра в Сибирь работала на протяжении всего рассматриваемого периода, что можно проследить преимущественно по протоколам заседаний бюро Сибкрайкома. На настоящее время не обнаружено документов, в которых бы конкретные люди рекомендовались центром в состав комитета, но о существовании такой практики можно говорить на основе анализа косвенных источников. Так, достаточно сравнить состав Сиббюро, в которое входили люди, назначенные из Москвы, с первым составом Сибкрайкома. Семь (П.С. Заславский, С.В. Косиор, М.М. Лашевич, И.П. Павлуновский, Б.Д. Пинсон, Н.В. Рогозинский, Ю.П. Фигатнер) из восьми членов Сиббюро ЦК РКП(б) вошли не только в сам комитет, но и в бюро Сибкрайкома, состав которого был сформирован уже в тот же день, 11 мая, на заседании первого пленума краевого комитета. Всего в бюро вошло девять членов (помимо вышеназванных также Эйхе и Житков) и два кандидата (Панкратов, Севастьянов)⁴. Таким образом, персональный состав партийной верхушки изначально не претерпел существенных изменений.

Дальнейшее переизбрание членов Сибирского краевого комитета осуществлялось также на краевых партийных конференциях. В резолюции первой Сибпартконференции

¹ Молетотов И.А. Сибкрайком: партийное строительство в Сибири. С. 261.

² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 11. Л. 43 об.

³ Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. С. 147.

⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

были установлены сроки их проведения: один раз в год¹. Однако, если следующая конференция, действительно, состоялась в 1925 г., то в дальнейшем эти сроки уже не соблюдались: 3–5 конференции прошли в марте 1927 г., феврале – марте 1929 г. и в июне 1930 г. Возможно, что изменение периодичности созыва конференций отчасти было связано с районированием Сибири и образованием округов. Вместо шести губерний, одной автономной области и двух республик с декабря 1925 г. в подчинении Сибкрайкома оказалось первоначально 19, а с февраля 1926 г. 21 административная единица, в каждой из которых нужно было также провести свою конференцию. Кроме того, все, за исключением четвертой конференции, предшествовали съездам партии, то есть были «привязаны» к определенным датам с целью избрания своих делегатов. В общей сложности за всё время существования Сибкрайкома его состав переизбирался четыре раза.

Изучение списков членов комитета позволяет говорить о том, что в новый состав всегда входила определенная доля опытных работников. 28,8 % членов второго Сибкрайкома, избранного второго декабря 1925 г., составили именно представители прежнего состава. На трех последующих конференциях чуть более одной трети (в диапазоне от 34 до 37,7 %) комитета стабильно занимали лица, уже являвшиеся его членами. В целом, то, что опытные работники пользовались определенным доверием со стороны участников конференций – закономерное явление. Тем не менее, есть основания утверждать, что, по крайней мере, часть из них не просто избиралась, а намеренно проводилась членами бюро.

Так при анализе анкет делегатов четвертой и пятой конференций было замечено, что место работы будущего члена Сибкрайкома порой не совпадает с округом, от которого он делегирован. Возможно, в некоторых случаях это можно списать на ошибки или неточности авторов анкет. Но, очевидно, что иногда, это не было случайностью и по тем или иным причинам делегаты приезжали на конференцию не от своего округа. Чаще всего такие расхождения встречаются в анкетах тех, кто уже являлся членом комитета. Так, например, секретарь Сибкрайкома С.И. Сырцов был делегирован на четвертую Сибпартконференцию от Кузнецкой организации. Объяснение таким нестыковкам (только применительно к избранию членов Сиббюро на X и XI съезды РКП(б) дал Г.Л. Олех, отметивший, что на мысль пользоваться таким способом «вотирования своих кандидатур» партийных руководителей натолкнула «внешняя респектабельность губпартконференций», выборы на которых выглядели сравнительно демократично².

Также несколько проясняют ситуацию обнаруженные телеграммы, которыми обменивались накануне пятой конференции секретарь Барабинского окружкома И.З. Станкин, секретарь Сибкрайкома В.Н. Кузнецов и служащий крайкома Я.Я. Озолин. Благодаря им становится ясно, как заведующая женотделом Сибкрайкома О. Чазова оказалась делегирована на пятую конференцию от Барабинского Окружкома. В.Н. Кузнецов обращался в Сибкрайком, предлагая избрать в Новосибирске вместо Чазовой другого кандидата, а ее «провести в Барабинске»³. Там, в свою очередь, оказалось, что О. Чазовой не хватает 400 голосов, о чем телеграммой из Каинска сообщил В.Н. Кузнецову И.З. Станкин, спрашивая разрешения «использовать 200 голосов военорганизации» и «200 [голосов] другого округа»⁴. Точно неизвестно, как все же в итоге была решена эта проблема, но результат очевиден: Ольга Чазова не только была делегирована на конференцию, но и

¹ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

² Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 12.

³ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3543. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 13.

вновь была избрана членом Сибкрайкома, а также кандидатом в члены бюро. Приведенный эпизод не только дает основания серьезно сомневаться в демократичности выборов состава Краевого комитета, но и демонстрирует механизм проведения политической элитой Сибири «своих людей» в состав Сибкрайкома.

Что касается кандидатов в члены крайкома, то число тех из них, кто переходил на очередной конференции в члены комитета, было ничтожно мало и ни разу не превысило даже пять человек. Оставались кандидатами от конференции к конференции тоже лишь единицы. Значительная часть кандидатов вовсе выбывала из состава комитета, причем за шесть лет доля таких заметно возросла (45,5 % в 1925, 64 % – 1927, 74,2 % – 1929 и 78,1 % – 1930 г.). Из 32 кандидатов, избранных в 1929 г., на пятой краевой партконференции лишь пятеро были избраны в члены комитета и два остались кандидатами. Все эти цифры наводят на два вывода: во-первых, статус кандидата ничего не гарантировал его обладателю, во-вторых, в члены Сибкрайкома охотно избирали новых людей. Членами комитета, часто становились не те, кто длительное время участвовал в его работе в качестве кандидатов, а партийцы, совсем недавно прибывшие в Сибирь из других регионов страны.

Еще один важный аспект в формировании Сибкрайкома – изменение его состава между конференциями. Уже на втором пленуме краевого комитета, проходившем 1–3 сентября 1924 г., констатировалось, что «из состава Сибкрайкома РКП выбыло по разным причинам шесть членов» (Житков, Заславский, Поднек, Черкасов, Васильев)¹. В дальнейшем это стало довольно распространенным явлением. Кого-то отзывал из Сибири ЦК партии, кто-то уезжал с разрешения Сибкрайкома по собственной просьбе. Важно отметить, что комитет иногда не только отказывал своим членам в откомандировании из Сибири, но и в отдельных случаях категорически возражал против отправки в распоряжение ЦК наиболее ценных работников. Другими словами, нельзя сказать, что Сибкрайком всегда безоговорочно выполнял распоряжения центра. Протоколы заседаний бюро содержат примеры, когда Сибкрайком отказывался отправлять в Москву своих членов или же соглашался только на условиях присылки в Сибирь соответствующей замены, и Центральному Комитету приходилось прислушиваться к объяснениям краевых лидеров. В тех же случаях, когда эти просьбы и требования удовлетворялись, вместо выбывших в состав комитета на заседаниях пленумов и бюро периодически принимались новые люди. То есть состав Сибкрайкома формировался не только посредством выборов, но и по решению достаточно узкого круга партийцев. Точно также пополнялся и состав бюро Сибкрайкома.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что, являясь выборным органом, Сибкрайком формировался не только путем голосования. Сами же выборы, в той форме, в которой они проходили на конференциях являлись скорее формальной процедурой утверждения списков, предложенных представителями прошлого состава комитета. Кроме того, ЦК ВКП(б) имел ряд возможностей неофициально участвовать в формировании состава краевого комитета, с одной стороны, рекомендуя определенных работников на те или иные посты, с другой стороны, отзывая некоторых членов Сибкрайкома из региона. Можно утверждать, что состав высшего партийного органа и, соответственно, его деятельность в значительной степени зависели не столько от делегатов краевых конференций, сколько от событий, происходивших на краевом уровне и в столице.

¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.